

Вилла
ДАШКОВА

Кто
ЛЮБОВЬ
ЭТУ ВЫДУМАЛ?

Ольга Дашкова

Кто любовь эту выдумал?

<https://litres.ru/73832029>

SelfPub; 2026

Аннотация

Детские прозвища имеют свойство прилипать навсегда. Особенно когда тебе семнадцать, ты влюблена в лучшего друга, а он до сих пор не замечает, что ты выросла.

Рома знает её всю жизнь. Знает, как она лазает по деревьям, играет в футбол и никогда не плачет. Но он не знает, как у неё перехватывает дыхание, когда он улыбается. Как она засыпает, думая о нём. Как больно ей слышать рассказы о его новых увлечениях.

Майя готова на всё, чтобы он увидел в ней не просто друга. Но готова ли она к тому, что может потерять его навсегда? И кто вообще придумал эту любовь, которая способна разрушить даже самую крепкую дружбу?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Дашкова

Кто любовь эту выдумал?

Глава 1

Майя

Я помню тот день, когда мне было семь лет, а Роме – восемь, и он впервые назвал меня Майкой.

Мы сидели на качелях во дворе нашего дома. Моя мама с Ириной Викторовной, мамой Ромы, болтали на лавочке о каких-то взрослых вещах, а мы раскачались так высоко, что казалось, вот-вот зацепимся носками кроссовок за облака.

У меня тогда были короткие волосы, сама их подстригла мамиными ножницами, потому что длинные мешали лазать по деревьям. А еще джинсы с дырками на коленях и футболка с Человеком-пауком. Рома был выше меня на полголовы, но я все равно прыгала с качелей дальше него.

– Майка, смотри, как высоко! – крикнул он тогда, и это прозвище прилипло ко мне намертво.

Майка. Как пацан. Как лучший друг. Как тот, кто никогда не плачет, не боится пауков и всегда готов к приключениям.

А теперь мне семнадцать, я сижу в кабинете литературы нашей гимназии номер двенадцать имени какого-то забытого поэта, и слово «Майка» режет слух, как скрип мела по

доске.

– Майка, ты что, заснула? – Рома толкает меня локтем в бок, вздрагиваю, возвращаясь из своих воспоминаний в реальность.

Марина Олеговна что-то рассказывает о символизме в «Войне и мире» – честно говоря, я уже давно перечитала весь школьный курс литературы и сейчас думаю совсем о другом. О том, как Рома сегодня утром зашел за мной, как всегда, чтобы вместе пойти в школу, и как он небрежно обнял меня за плечи, сказав: «Пошли, Майка, а то опоздаем на первый урок».

Его рука была теплой и сильной, и почему-то от этого прикосновения у меня заколотилось сердце. А раньше мы могли так ходить часами, просто как лучшие друзья, которым комфортно друг с другом.

– Я не Майка, – тихо говорю, не поворачивая к нему головы.

– Что? – Рома наклоняется ближе, чувствую аромат его одеколона – что-то свежее и немного дерзкое. Когда он начал им пользоваться? Кажется, в начале этого учебного года.

– Ничего.

Марина Олеговна заканчивает урок, задав нам очередное сочинение на тему «Истинный патриотизм в понимании Толстого», мы начинаем собираться. Рома засовывает учебники в рюкзак с такой небрежностью, что я невольно морщусь, лично у меня все книги аккуратно сложены по размеру

и обернуты в обложки.

– Слушай, а что ты делаешь в субботу? – спрашивает он, застегивая молнию. – Сеня говорит, что у них во дворе поставили новую баскетбольную корзину. Хочешь, сходим поиграем, как в старые добрые времена?

В старые добрые времена. Как забавно.

Когда я была Майкой, носила спортивные штаны и могла дать фору любому пацану в нашем дворе в баскетболе. Когда меня не волновало, что после игры у меня растрепанные волосы и красное от пота лицо, и я вся воняю.

– Не знаю, – отвечаю, доставая из пенала зеркальце и поправляя волосы. – У меня много дел.

– Каких дел? – Рома смеется, звук его смеха отзывается где-то в груди странной болью. – Мы же договорились посмотреть новый фильм про супергероев. Помнишь, ты хотела...

– Я больше не смотрю фильмы про супергероев, – перебиваю. – Это для детей.

Рома останавливается посреди коридора и смотрит так, словно видит впервые в жизни. Вокруг нас шумит толпа одноклассников, кто-то обсуждает контрольную по химии, кто-то строит планы на выходные, а девочки из десятого класса хихикают, глядя в нашу сторону. Точнее, в сторону Ромы.

Он действительно изменился за последние два года. Вырос, окреп, черты лица стали более мужественными. И это

уже не тот долговязый подросток, который падал с велосипеда и просил меня не рассказывать маме о разбитых коленках.

Это Роман Андреевич Усов, один из самых популярных парней в нашей гимназии, который может выбирать из десятка девочек, пускающих на него слюни.

А я все та же. Только теперь я понимаю, что значит это «я».

– Майка, ты какая-то странная стала, – говорит Рома наконец. – С начала года ты постоянно... не знаю, какая-то другая.

– Я не Майка! – срываюсь, произнося это громче, чем хотела.

Несколько ребят оборачиваются, я краснею, а Рома хмурится, явно не понимая, в чем дело.

– Ладно, Майя, – произносит он мое полное имя с какой-то нарочитой осторожностью, словно пробует его на вкус. – Что с тобой происходит?

«Майя». Из его уст это звучит... правильно. Взрослее. Женственнее. Именно так, как я хочу, чтобы он ко мне обращался.

– Ничего, – отвечаю, поправляя лямку сумочки. Да, сумочки – я купила ее месяц назад вместо привычного рюкзака. – Просто мы выросли, Рома. Мне уже семнадцать.

– Мне тоже, и что с того? – он пожимает плечами. – Мы же друзья с детства. Лучшие друзья.

Лучшие друзья. Эти слова обрушиваются на меня, как хо-

лодный ливень. Потому что для меня он уже давно не просто лучший друг. Для меня он – тот, о ком я думаю перед сном, тот, чья улыбка может испортить или украсить весь мой день, тот, кого я люблю так сильно, что иногда не могу дышать.

Но для него я все еще Майка. Лучший друг в джинсах и кроссовках.

– Майя! – доносится до нас знакомый голос, и я оборачиваюсь. По коридору к нам направляется Серафима Богомолова из параллельного класса, и на ее лице та самая лукавая улыбка, которая означает, что она что-то знает.

Сима – моя подруга с прошлого года, когда мы вместе участвовали в городской олимпиаде по русскому языку. Она немного толстушка, и некоторые идиоты из старших классов иногда подшучивают над ней, но у Симы такое острое чувство юмора и такой сильный характер, что она всегда может дать отпор. И она одна понимает, что со мной происходит.

– Привет, красавчики, – говорит Сима, подходя к нам. – Роман, а где твоя тень? Сеня обычно всегда рядом.

– У него дополнительные по физике, – отвечает Рома и улыбается Симе. Он всегда был с ней дружелюбен.

– Понятно. А вы что, домой идете?

– Я – да, – говорю. – У меня еще дела.

– Какие дела? – снова спрашивает Рома, в голосе звучит недоумение.

– Женские, – многозначительно улыбаясь, отвечает за меня Сима. – Ты же знаешь, мы, девочки, много времени уде-

ляем красоте.

Рома смотрит на меня, потом на Симу, потом снова на меня. В его взгляде что-то меняется – появляется что-то новое, чего я не могу понять.

– А, ну да, – говорит он наконец. – Тогда увидимся завтра.

Он уходит, а я смотрю ему вслед, на его широкие плечи под школьной рубашкой, на то, как он идет – уверенно, легко, привлекая взгляды.

– Ты еще долго будешь себя мучить? – тихо спрашивает Сима, когда Рома скрывается за поворотом.

– Не понимаю, о чем ты, – отвечаю, но голос звучит не очень убедительно.

– Майя, ну ты даешь! Ты по уши в него влюблена, это видно за версту. Кроме него самого, конечно. Мне кажется, что это видит и знает вся гимназия.

Молчу, потому что отрицать бесполезно. Сима права – я влюблена в Рому так сильно, что мне физически больно. И он действительно ничего не замечает.

– Почему ты ему не скажешь? – продолжает Сима. – Может, он...

– Нет, – перебиваю. – Он не может. Для него я просто Майка, его лучшая подруга детства. Мальчишка в теле девочки.

– А ты пробовала перестать быть мальчишкой?

Я оглядываю себя: джинсы скинни, нежно-розовый свитер, туфли на небольшом каблуке вместо привычных крос-

совок, аккуратно уложенные волосы, которые я отращиваю уже полгода.

– Я пытаюсь, – шепчу. – Но он не видит.

– Тогда покажи ему, что видят другие, – говорит Сима и кивает в сторону лестницы.

Оборачиваюсь и вижу Платона Блинова – нашего классного отличника, который сейчас ковыряется в рюкзаке и явно пытается сделать вид, что не смотрит в нашу сторону. Но я замечаю, как он покраснел, когда наши взгляды встретились.

Платон влюблен в меня уже много лет, это знают все, кроме меня, пока Сима не открыла мне глаза. Он умный, добрый, надежный. И он видит во мне девушку, а не лучшего друга детства, с которым весело играть, кто дальше плюнет.

Но мое сердце принадлежит тому, кто до сих пор зовет меня Майкой и рассказывает мне о других девочках, которые ему нравятся.

– Пойдем, – говорю Симе. – А то опоздаем на автобус.

Мы идем по коридору, чувствую на себе взгляд Платона. Может, Сима права? Может, пора показать Роме, что я выросла? Что я больше не та Майка, которая на спор могла съесть пять гамбургеров.

Что я Майя. Девушка, которая умеет любить и хочет быть любимой. Только боюсь, что для него я навсегда останусь той семилетней девочкой в джинсах и футболке с Человеком-пауком.

Той, которая прыгала с качелей дальше всех, но так и не научилась летать.

Глава 2

Майя

Пятница. Шестой урок. Физкультура.

Сажу на скамейке в спортзале и делаю вид, что у меня критические дни – старый как мир способ не участвовать в уроке. Хотя на самом деле я просто не хочу бегать, прыгать и потеть на глазах у Ромы.

Раньше мне было все равно. Мы соревновались, кто быстрее пробежит, кто дальше прыгнет, кто больше раз подтянется на турнике. Да, на турнике! Я гордилась тем, что могу подтянуться восемь раз подряд, в то время как другие девочки не могли сделать ни одного.

А теперь я боюсь, что моя прическа испортится, что лицо покраснеет, что Рома увидит меня потной и некрасивой. Господи, когда я успела стать такой... девочкой?

– Ильина, ты точно не можешь заниматься? – спрашивает Петр Сергеевич, наш физрук, искренне расстроенный. Я была его гордостью, единственная девочка в классе, которая могла дать фору половине парней.

– Точно не могу, – киваю, листая учебник по Общей биологии. Делаю вид, что готовлюсь к контрольной, хотя эту тему знаю назубок.

Петр Сергеевич вздыхает и идет организовывать игру в баскетбол. Украдкой поднимаю глаза от учебника и смотрю

на площадку. Рома ведет мяч, его движения легки и точны. За лето он вырос еще сантиметров на пять, и теперь его рост под метр восемьдесят.

Широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги – классическая мужская фигура. Когда он бежит, футболка слегка задирается, и я вижу полоску загорелого живота с намечающимся прессом.

Сердце начинает колотиться так, что, кажется, это слышно во всем спортзале. Когда это началось? Когда я перестала видеть в нем просто Рому, своего лучшего друга, и начала замечать... вот это все?

Может быть, тогда, в начале лета, когда мы всей семьей поехали на дачу к его бабушке? Мы, как обычно, пошли купаться на речку, и когда Рома снял футболку... Я помню, что буквально застыла на месте. За год он так изменился – из долговязого подростка превратился в... мужчину. Настоящего мужчину с красивым торсом и сильными руками.

А потом он засмеялся и, как в детстве, схватил меня и потащил в воду. Я сопротивлялась и смеялась, но внутри у меня все оборвалось. Потому что его прикосновения стали... другими. Не детскими. Не дружескими.

Для меня.

А для него я по-прежнему была Майкой – лучшим другом, с которым можно шутить и играть в догонялки.

– Усов, передача! – кричит Петр Сергеевич, Рома оборачивается к нему с улыбкой.

Его улыбка... Боже, его улыбка способна осветить весь этот серый октябрьский день. Белые ровные зубы, ямочка на левой щеке, которая появляется, только когда он искренне радуется, глаза, которые щурятся от смеха.

Я влюблена. Безнадёжно, безвозвратно влюблена в своего лучшего друга. И это самое страшное признание в моей жизни. Урок заканчивается, ребята расходятся по раздевалкам. Рома подходит ко мне, вытирая лицо полотенцем.

– Как ты себя чувствуешь? – в его голосе звучит искренняя забота.

– Нормально, – отвечаю, стараясь не смотреть на его влажные от пота волосы и разгоряченное лицо. – Просто устала.

– Может, проводить тебя до дома? – предлагает он. – У меня сегодня никаких планов.

«Никаких планов». Раньше в его планы всегда входила я. Мы шли к кому-нибудь из нас домой, делали уроки, играли в приставку, болтали о всякой ерунде. Теперь же у него «никаких планов», когда он предлагает провести время со мной.

– Спасибо, но не нужно, – собираю учебники в сумку. – Сима обещала зайти, будем готовиться к контрольной по химии.

– А, понятно, – он кивает, и мне кажется, или в его голосе действительно звучит разочарование? – Тогда увидимся в понедельник.

– Увидимся.

Он уходит в мужскую раздевалку, а я сижу на скамейке

и пытаюсь привести в порядок свои мысли. Нет, не мысли – чувства. Эта буря внутри меня, которая поднимается каждый раз, когда я вижу его.

Дома я принимаю душ, переодеваюсь в домашнюю одежду и жду Симу. Она приходит через полчаса с пакетом чипсов и двумя банками колы.

– Так, рассказывай, – говорит она, устраиваясь на моей кровати. – Что происходило на физре? Ты смотрела на Рому такими глазами, что я думала, ты сейчас растечешься на месте лужей, я заглядывала и все видела.

– Ничего не происходило, – отвечаю, но щеки предательски горят.

– Майя Александровна Ильина, – Сима произносит мое полное имя с театральной интонацией. – Мы дружим уже полтора года, и я прекрасно знаю, когда ты врешь. Ты влюблена в него так, что даже дышать разучилась.

Падаю на кровать рядом с ней и закрываю лицо руками.

– Сима, я не знаю, что со мной происходит, – шепчу. – Раньше он был просто... Ромой. Моим лучшим другом. А теперь...

– А теперь ты понимаешь, что он красивый, сильный мужчина, и хочешь быть не его другом, а его девушкой, – заканчивает за меня Сима. – Поздравляю, ты открыла для себя понятие «либидо».

– Не смейся надо мной! – возмущаюсь, но не могу сдержать улыбку. С Симой невозможно долго грустить – у нее

удивительный талант находить юмор даже в самых печальных ситуациях.

– Я не смеюсь, я радуюсь, – говорит она серьезно. – Майя, ты наконец-то выросла. Поняла, что ты не бесполой друг, а женщина. Со своими желаниями и потребностями.

– Но он не понимает этого, – грустно говорю. – Для него я все еще Майка.

– А ты пыталась показать ему, что ты Майя?

– Как? – почти кричу я. – Как мне это показать? Он знает меня всю жизнь! Для него я навсегда останусь той девочкой, которая ловила лягушек и играла в войнушку!

Сима молчит несколько секунд, задумчиво жуя чипсы.

– А помнишь, как в детстве играли в «дочки-матери»? – спрашивает она наконец.

– Мы никогда не играли в «дочки-матери». Мы играли в войну, в футбол, в супергероев.

– Вот именно, – кивает Сима. – А другие девочки играли в «дочки-матери», наряжались в мамины платья, красились помадой и голубыми тенями. Они с детства учились быть женщинами. А ты училась быть... Ромой «своим парнем».

Ее слова болезненно точны. Я действительно всегда старалась быть такой же, как Рома. Сильной, смелой, не плаксивой. Я гордилась тем, что не такая, как «эти глупые девчонки», которые визжат при виде паука и боятся испачкать платья.

– Но теперь ты поняла, что хочешь быть женщиной, – про-

должает Сима. – Вопрос в том, готова ли ты этому учиться?

– А если он все равно не заметит? – тихо спрашиваю. – А если для него я навсегда останусь просто другом?

– А если заметит? – парирует Сима. – Майя, ты красивая. Очень красивая. У тебя потрясающие глаза, длинные ноги, и ты умная – намного умнее большинства девчонок в нашей школе. Просто ты привыкла прятать все это за маской «своего парня».

Встаю и подхожу к зеркалу. Критически осматриваю свое отражение. Светлые волосы, которые я наконец-то отпустила до плеч. Серые глаза с длинными ресницами. Правильные черты лица. Фигура... ну, фигура тоже ничего. Я уже не та худая девочка-подросток – у меня появились грудь, талия, бедра.

– Знаешь, что самое страшное? – говорю, не отрываясь от зеркала. – Я боюсь, что если покажу ему, какая я на самом деле, то потеряю его навсегда. Сейчас он хотя бы мой друг. А если он поймет, что я в него влюблена...

– Что? Убежит в ужасе? – фыркает Сима. – Майя, ты что, считаешь себя чудовищем?

– Нет, но... – поворачиваюсь к подруге. – Сима, а что, если между нами никогда не было и не будет ничего, кроме дружбы? Что, если я придумала всю эту любовь?

– А что, если не придумала? – спрашивает она в ответ. – Что, если он просто не понимает, что можешь быть чем-то большим, чем другом, потому что никогда не видел тебя в

этом качестве?

Сима встает с кровати и подходит ко мне.

– Послушай, у меня есть идея, – в глазах загорается знакомый огонек. Когда у Симы появляются идеи, это обычно означает проблемы. – В следующую субботу у нас школьная дискотека. Костюмированная, на Хэллоуин.

– И что?

– А то, что это твой шанс показать себя с другой стороны. Не как Майка в джинсах, а как Майя – красивая, соблазнительная девушка.

– Сима, ты с ума сошла, – качаю головой. – Я не умею быть соблазнительной, я пробовала.

– Научишься, – уверенно говорит она. – У нас есть неделя. За неделю можно многому научиться.

– А если он придет с какой-нибудь девчонкой?

– А если не придет? – снова парирует Сима. – Майя, хватит думать о плохом. Подумай о хорошем. Представь, что он увидит тебя – настоящую тебя – и поймет, что влюблен.

Закрываю глаза и пытаюсь представить себе эту картину. Рома смотрит на меня и вдруг понимает, что я не просто его друг детства. Что я девушка, в которую можно влюбиться. Что между нами может быть нечто большее, чем просто дружба.

– Ты думаешь, это возможно?

– Думаю, если не попробуешь, то никогда не узнаешь, – лукаво отвечает Сима. – А сожалеть о том, чего не сделала,

гораздо хуже, чем сожалеть о том, что сделала.

Она права. Как всегда, чертовски права.

– Ладно, – у меня перехватывает дыхание от собственной смелости. – Давай попробуем. Но если ничего не получится...

– Получится, – перебивает меня Сима. – Обязательно получится. Потому что любовь – это не односторонняя игра. И я видела, как Рома на тебя смотрит.

– Как смотрит?

– По-разному, – загадочно улыбается она. – Иногда как на лучшего друга. А иногда... иногда как мужчина смотрит на женщину. Просто он сам этого еще не понимает.

Мое сердце подпрыгивает от надежды, но я пытаюсь ее подавить. Нельзя обольщаться. Нельзя строить воздушные замки.

Но все же... а что, если Сима права?

Что, если у нас действительно есть шанс?

Глава 3

Роман

Понедельник начинается с того, что я опаздываю. Пропал на двадцать минут, потому что всю ночь не мог заснуть, ворочался, думал о всякой ерунде. В итоге выскакиваю из дома, на ходу натягивая куртку, и бегу к подъезду Майи.

Обычно мы ходим в школу вместе – так повелось с первого класса. Наши мамы договорились, что старший будет забирать младшего, и хотя разница между нами всего год, я всегда чувствовал себя ответственным за Майку. Я защищал ее от дворовых хулиганов, помогал с математикой, делился обедом, когда она забывала деньги дома.

Звоню в домофон, и через несколько минут дверь открывается. Я уже готов извиниться за опоздание, но слова застревают у меня в горле.

Передо мной стоит... Майя? Определенно Майя, но какая-то... другая.

Вместо привычных джинсов на ней темно-синяя юбка до колена, белая блузка и кардиган цвета слоновой кости. Вместо кроссовок – туфли на небольшом каблуке. Волосы аккуратно уложены, а не собраны в небрежный хвост, как обычно. И... она накрашена? Едва заметно, но губы определенно более яркие, чем обычно, а глаза кажутся больше.

– Привет, – говорит она, поправляя лямку сумочки. Су-

мочки! Куда делся ее старый рюкзак?

– Эм... привет, – отвечаю я, все еще пытаюсь осмыслить увиденное. – Ты... хорошо выглядишь.

Она слегка краснеет и опускает глаза.

– Спасибо. Пойдем, а то опоздаем.

Мы идем по улице, и я украдкой поглядываю на нее. Майя держится по-другому – прямее, увереннее. И идет она тоже по-другому – не широким спортивным шагом, как раньше, а более плавно, женственно. Каблуки цокают по асфальту, и этот звук почему-то меня нервирует.

– Майя, – начинаю я, когда мы поворачиваем к школе, – что это за... ну, новый образ?

– Какой новый образ? – переспрашивает она, но в голосе слышится напряжение.

– Ну... юбка, туфли, макияж. Раньше ты так не одевалась.

– Раньше мне было шестнадцать, – отвечает она, не глядя на меня. – Люди меняются, Рома.

Люди меняются. Да, наверное, меняются. Но почему-то эти перемены меня беспокоят. Майка всегда была... Майкой. Простой, естественной, настоящей. А сейчас она словно играет какую-то роль.

Мы заходим в школу, и я замечаю, что на Майю оборачиваются. Парни из младших классов провожают ее взглядами, старшеклассники переглядываются. Один из десятиклассников даже присвистнул, но Майя делает вид, что не замечает.

А я замечаю. И почему-то меня это раздражает.

– Усов! – доносится до меня знакомый голос, и я оборачиваюсь. По коридору к нам направляется Арсений, мой лучший друг из параллельного класса. Высокий, широкоплечий, с вечно растрепанными волосами и заразной улыбкой.

– Привет, Арсен, – отвечаю я, хлопая его по плечу. – Как дела?

– Отлично, – он улыбается и переводит взгляд на Майю. В его глазах загорается знакомый озорной огонек – верный признак того, что Арсений задумал какую-то шутку. – А это что за красавица?

Я поворачиваюсь к Майе и вижу, что она удивленно моргает. Конечно, она удивлена – они же знакомы с пятого класса. Арсений прекрасно знает, кто такая Майя, но, видимо, решил подшутить.

– Арсений, это Майя, – представляю я, не понимая, к чему он клонит. – Майя, это Арсений, мой друг из 11Б.

– Очень приятно... познакомиться, – говорит Арсений, слегка растягивая последнее слово и протягивая Майе руку. В его голосе слышится плохо скрываемое веселье. – Арсен. А я-то думал, что Рома скрывает от нас какую-то загадочную незнакомку.

Майя недоуменно смотрит на него, но пожимает протянутую руку.

– Арсений, ты что, издеваешься? – спрашивает она прямо. – Мы знакомы уже...

– Шесть лет, – подмигивает он ей. – Но сегодня ты выгля-

дишь так, будто мы видимся впервые. Серьезно, Майя, что с тобой случилось? Тебя подменили? Ты двойник нашей Майки?

– Ничего со мной не случилось, – Майя морщится и заметно, что смущается. – Просто... решила сменить стиль. И не называй меня Майкой.

– И правильно решила, – одобряет Арсений, явно наслаждаясь ее смущением. – Очень даже неплохо. А то я уже думал, что ты навсегда останешься пацаном в джинсах.

– Арсен, – предупреждающе говорю. Он перегибает палку со своими шутками.

– Да ладно тебе, Ромка, – машет рукой Арсений. – Я же по-дружески. Слушай, Майя, не составишь нам компанию после уроков? Мы с Ромкой собираемся в новое кафе – там, говорят, потрясающие десерты.

Удивленно смотрю на него. Никаких планов насчет кафе у нас не было, он опять что-то придумывает на ходу.

– Мы собираемся? – переспрашиваю. – Впервые слышу.

– Ну конечно собираемся, – невозмутимо отвечает Арсений. – Я же вчера тебе говорил. Или ты уже забыл?

Вчера он мне ничего не сказал, но спорить не хочется. К тому же мне нравится идея провести время с Майей – может быть, в неформальной обстановке она станет более открытой, как раньше.

– Я не знаю, – отвечает Майя, и я вижу, что она колеблется. – У меня много дел...

– Да брось, – настаивает Арсений. – Какие дела могут быть важнее общения со старыми друзьями? Тем более, нужно отметить твое... преображение.

Он произносит последнее слово с такой интонацией, что Майя снова краснеет.

– Ладно, – соглашается она наконец. – Но ненадолго.

– Отлично! – радуется Арсений. – Встречаемся после уроков у главного входа.

Звенит звонок, и мы расходимся по классам. Но перед тем как уйти, Арсений наклоняется к Майе и тихо, но достаточно громко, чтобы я услышал, говорит:

– А знаешь, Майя, тебе очень идет быть девочкой. Стоило попробовать раньше.

Майя смотрит на него с возмущением, но он уже удаляется по коридору, насвистывая какую-то мелодию.

А я стою рядом и чувствую, как внутри поднимается какая-то темная волна. Злость? Раздражение? Не понимаю, что это, но ощущение крайне неприятное. И направлено оно почему-то не только на Арсения с его дурацкими шутками, но и... на ситуацию в целом.

Весь первый урок – алгебру – я не могу сосредоточиться. Смотрю на Майю, которая сидит на втором ряду, и пытаюсь понять, что в ней изменилось. Не только внешне – что-то изменилось и внутри.

Раньше она постоянно вертелась за партой, крутила в руках ручку, могла шепотом спросить что-то у соседки. А сей-

час сидит прямо, сосредоточенно слушает учительницу, аккуратно записывает в тетрадь. Как... примерная ученица.

Хотя она всегда была примерной ученицей. Просто раньше это не бросалось в глаза. Почему я пропустил эти перемены? Почему заметил это только сейчас стоило ей надеть каблуки и короткую юбку.

– Майя, что ты думаешь об этих шутках Арсения? – на перемене я подхожу к ее парте.

Она поднимает на меня глаза, и я вижу, что ресницы у нее действительно накрашены.

– Он всегда такой, – отвечает с легкой улыбкой. – Помнишь, как в седьмом классе он целый месяц притворялся, что не помнит имени нашей учительницы биологии?

– Помню, – киваю я. – Но сегодня он перегнул палку.

– Да ладно тебе, Рома, – Майя пожимает плечами. – Он просто хотел меня подразнить. Ничего страшного.

Ничего страшного. Но почему-то мне кажется, что это не так. Хотя я не могу понять, что именно.

– Ты правда хочешь пойти с нами в кафе? – спрашиваю я.

– А ты не хочешь? – переспрашивает она, и в ее голосе звучит удивление.

– Хочу, просто... – замолкаю, не зная, как объяснить свои смутные ощущения. – Просто мне кажется, что в последнее время мы мало времени проводим вместе. Просто мы вдвоем.

Майя внимательно смотрит на меня, и в ее взгляде что-

то меняется.

– Рома, – мягко говорит она, – мы выросли. У нас появились другие интересы, другие друзья...

– У тебя появились? – перебиваю.

– У нас, – поправляется она. – Это нормально. Мы не можем всю жизнь быть только друг для друга.

Не можем быть только друг для друга. Эти слова почему-то ранят. А почему не можем? Мне всегда хватало Майки. Зачем мне кто-то еще?

– Может быть, – неуверенно говорю. – Но я не хочу, чтобы между нами что-то изменилось.

– А что может измениться? – спрашивает она, в голосе звучит какая-то странная нотка. – Мы же... друзья.

Друзья. Да, конечно, друзья. Лучшие друзья с детства. Но почему-то это слово сейчас звучит... не так, как обычно.

После уроков мы встречаемся у главного входа. Арсений уже ждет нас, развалившись на скамейке и листая какой-то журнал.

– О, вот и наша красавица! – восклицает он, увидев Майю. – И наш ревнивый рыцарь.

– Какой еще ревнивый рыцарь? – удивляюсь.

– Да так, фигура речи, – отмахивается Арсений, но в глазах у него пляшут веселые искорки. – Пойдем, что ли?

Мы идем по центральной улице, Арсений развлекает нас своими обычными историями – рассказывает про учителей, одноклассников, какие-то школьные сплетни. Майя смеется,

и я вижу, что она расслабляется, становится более похожей на себя прежнюю.

В кафе мы занимаем столик у окна. Арсений заказывает тирамису, Майя – фруктовый салат, а я – обычный кофе.

– Майя, – говорит Арсений, когда официант уходит, – а расскажи нам про свое превращение из гусеницы в бабочку. Что тебя на это подвигло?

– Арсений! – возмущается Майя. – Какая еще гусеница?

– Ну, не гусеница, конечно, – смеется он. – Скорее, из воробья в лебедя. Хотя ты и воробьем никогда не была – просто скрывала свою красоту под мужской маскировкой.

Смотрю на него и снова чувствую раздражение. Почему он так настойчиво акцентирует внимание на внешности Майи? И почему она ему отвечает?

– Я просто решила, что пора выглядеть... соответственно возрасту, – отвечает Майя, замечая, что она украдкой смотрит на меня.

– И правильно решила, – кивает Арсений. – А то все думали, что ты так и останешься вечным пацаном.

– Все – это кто? – спрашиваю резче, чем собирался.

– Ну... одноклассники, – пожимает плечами Арсений. – Парни из нашего класса иногда спрашивали, не нравится ли мне Майя, а я отвечал, что она же как парень – с ней невозможно флиртовать.

Флиртовать. С Майкой. Эта мысль почему-то меня бесит.

– А теперь можно?

Арсений удивленно смотрит на меня.

– Теоретически – да, – осторожно отвечает он. – А что? Рома, ты что, ревнуешь?

– С чего бы мне ревновать? – огрызаюсь. – Это же просто Майка.

Тишина. Майя вздрагивает, как от пощечины, и отворачивается к окну. А Арсений смотрит на меня с таким выражением лица, будто я только что сказал какую-то очень глупую вещь.

– Просто Майка? – медленно повторяет он. – Seriously, Ром?

Понимаю, что сказал что-то не то, но не понимаю – что именно. И это меня еще больше бесит.

– А что не так? – спрашиваю я. – Мы друзья детства. Я не могу ревновать к другу.

– Не можешь, – соглашается Арсений. – Но к девушке – можешь. А Майя, если ты не заметил, девушка. И очень красивая девушка.

Он поворачивается к Майе, которая все еще смотрит в окно.

– Майя, не обращай внимания на этого дубового пня, – говорит он мягко. – Некоторые люди не замечают очевидных вещей, даже когда эти вещи происходят у них под носом.

Майя поворачивается к нам, и я вижу, что глаза у нее блестят – то ли от слез, то ли от злости.

– Мне пора домой, – говорит она, вставая из-за стола. –

Спасибо.

– Майя, подожди, – начинаю, но она уже направляется к выходу.

Я бросаю деньги на стол и догоняю ее на улице.

– Майя, стой! – кричу. – Что происходит?

Она останавливается и поворачивается ко мне. На лице – смесь боли и разочарования.

– Что происходит? – повторяет она. – А ты правда не понимаешь?

– Не понимаю, – честно отвечаю.

Она смотрит на меня еще несколько секунд, потом качает головой.

– Тогда, наверное, незачем объяснять, – говорит тихо и уходит.

А я стою на тротуаре и пытаюсь понять, что, черт возьми, произошло? И почему у меня такое чувство, будто я что-то очень важное упустил.

Глава 4

Майя

Понедельник, вторая неделя октября.

Специально встаю на полчаса раньше, чтобы успеть сделать укладку и нанести макияж. За эту неделю это уже стало привычкой. Каждое утро я стою перед зеркалом, превращая обычную Майю в ту версию себя, которую, как мне кажется, может заметить Рома.

Сегодня надела новое платье, бордовое, до колена, с рукавами три четверти. Мама вчера удивленно посмотрела на меня, когда я попросила купить его в торговом центре.

– Майя, милая, что с тобой происходит? – спросила она, складывая платье в пакет. – Ты раньше терпеть не могла носить платья.

– Просто выросла, – ответила, и это не было ложью.

Я действительно выросла. Проблема в том, что единственный человек, которому я хочу это показать, этого не видит. Рома встречает меня у подъезда, как обычно. На его лице мелькает удивление, когда он видит платье, но не говорит ни слова. Просто кивает и идет рядом молча.

Украдкой поглядываю на него. За эти дни что-то изменилось в его поведении. Он стал... осторожнее, что ли. Словно не знает, как со мной разговаривать. А после истории в кафе с Арсением мы почти не общались, только дежурные фразы

о домашних заданиях да погоде.

Входим в школу, и тут происходит то, чего я совсем не ожидала.

У доски объявлений стоит девушка. Высокая, стройная, с каштановыми волосами, уложенными в идеальные локоны. На ней белая блузка, которая подчеркивает загар, черная юбка-карандаш и туфли на шпильке, в которых я бы не смогла пройти и десяти метров. Но она стоит в них так уверенно, словно родилась на каблуках.

– Простите, – говорит она мелодичным голосом, обращаясь к проходящим мимо старшеклассникам. – Где здесь класс 11А?

– Идите за нами, – откликается Рома, чувствую, как что-то болезненно сжимается в груди. – Мы как раз туда направляемся, мы и есть 11А.

Девушка поворачивается к нам, и я вижу ее лицо. Правильные черты, большие карие глаза, легкий макияж. Она красива той классической красотой, которую показывают в глянцевых журналах.

– Спасибо огромное! – улыбается, и улыбка у нее тоже идеальная. – Я Валерия Артамонова. Только что перевелась сюда, мы переехали из Петербурга.

– Роман Усов, – представляется Рома, замечаю, как он выпрямляется, когда произносит свое имя. – А это Майка... хм... Майя Ильина.

– Очень приятно! – Валерия протягивает мне руку, ногти

у нее покрашены в нежно-розовый цвет и имеют идеальную форму. – Какая ты красивая! И платье замечательное.

Бормочу что-то в ответ, но мысли мои заняты совсем другим. Рома смотрит на Валерию так... заинтересованно. Его взгляд скользит по ее фигуре, задерживается на лице, и я вижу в его глазах то выражение, которое мне знакомо. Он заинтригован.

– Что привело тебя в наш провинциальный городишко? – спрашивает, когда мы идем по коридору.

– Папина работа, – объясняет Валерия, слегка кривя губки. – Он получил повышение и назначение сюда. Пришлось бросить свою гимназию, друзей... Но ничего, я быстро адаптируюсь.

Она говорит это с такой уверенностью, что у меня нет сомнений – она действительно быстро адаптируется. Такие девушки всегда быстро адаптируются. Мы входим в класс, и я вижу, как разговоры стихают. Все оборачиваются на Валерию, парни выпрямляются, девочки оценивающе осматривают ее с ног до головы.

– Познакомьтесь, – говорит вошедшая следом за нами Марина Олеговна. – К нам перевелась новая ученица, Валерия Артамонова. Валерия, можешь садиться на свободное место рядом с Романом например.

Свободное место рядом с Ромой? Конечно же.

Я сажусь на свое обычное место во втором ряду и наблюдаю, как Валерия устраивается рядом с ним. Она достает из

сумочки – кожаной, явно дорогой – блокнот и ручку. Даже ручка у нее какая-то особенная, с золотистыми деталями.

– Спасибо, что помог сориентироваться, – шепчет она Роме, а он улыбается в ответ.

Весь урок литературы я не могу сосредоточиться на словах Марины Олеговны о творчестве Достоевского. Я слушаю, как Валерия что-то тихо спрашивает у Ромы, как он ей объясняет, наклоняясь к ее уху. Они выглядят... гармонично рядом. Красивая пара.

А я сижу одна, во втором ряду, и чувствую себя серой мышкой.

На перемене к Валерии сразу же подходит полкласса, все хотят познакомиться с новенькой. Она держится легко, отвечает на вопросы с улыбкой, рассказывает о Петербурге. И постоянно, постоянно находится рядом с Ромой.

– Рома, можешь показать мне, где здесь столовая? – спрашивает она, когда звенит звонок на большую перемену.

– Конечно, – отвечает он. – Пойдем.

Они уходят вместе, а я остаюсь сидеть за партой, делая вид, что читаю учебник истории.

– Ого, – раздается рядом знакомый голос, и я поднимаю глаза. Сима стоит возле меня парты с таким выражением лица, словно только что увидела, как мимо проехал розовый слон на велосипеде. – Вот это да.

– Что – вот это да? – спрашиваю, хотя прекрасно знаю, о чем она.

– Эта новенькая, Валерия, кажется? О ней уже вся школа наслышана. Боже мой, Майя, она же как с обложки журнала сошла!

– Да, красивая, – соглашаюсь, максимально равнодушным тоном.

– Красивая? – Сима смотрит на меня так, словно я сказала, что дважды два равно пяти. – Майя, она просто потрясающая! И видела, как на нее смотрит Рома?

Видела. К сожалению, видела.

– Сима, при чем здесь Рома? – пытаюсь отшутиться. – Он просто вежливый, показал дорогу новенькой.

– Ага, показал дорогу, – фыркает Сима. – Майя, я видела, как он на нее смотрел. У него глаза горели, как у голодного волка, увидевшего отбивную.

– Не утрируй.

– Не утрирую. И знаешь что самое обидное? Она даже не пытается, что-то сделать. Ей не нужно стараться, краситься по часу с утра, выбирать платья. Она просто есть, и этого достаточно.

Сима попадает в самое больное место. Все эти дни я старалась, пыталась стать красивее, женственнее. Покупала новую одежду, училась делать макияж. А тут приходит какая-то Валерия и за пять минут получает то внимание Ромы, которого я добиваюсь уже месяц.

– Хочешь дружеский совет? – продолжает Сима. – Забудь. Seriously. С такой конкуренцией у тебя нет шансов.

– Спасибо за поддержку, – сухо отвечаю.

– Майя, я не хочу, чтобы ты страдала. Посмотри на нее реально – она абсолютно идеальна. У нее идеальная фигура, идеальное лицо, идеальная прическа. Она умеет себя преподнести, наверняка говорит на нескольких языках, играет на пианино и занимается конным спортом. Рядом с ней любая девочка будет выглядеть... обычно.

– Господи, у тебя слишком бурная фантазия, Сима! Конный спорт то откуда взялся?

– Если бы я была такой красоткой, я бы точно занималась конным спортом, или фехтованием.

Знаю, Сима права. Но признаться в этом – означает признаться в том, что я сдаюсь. А я не готова сдаваться.

– Может, ты и права. Но я не собираюсь просто так отступить.

– Майя...

– Нет, слушай, – перебиваю ее. – Да, она красивая. Да, она эффектная. Но я знаю Рому всю жизнь. Между нами есть история, есть связь. А она – просто красивая незнакомка.

Сима смотрит на меня с жалостью.

– Дорогая моя, – говорит она мягко, – иногда красивой незнакомки достаточно, чтобы забыть про всю историю.

Следующие дни превращаются в сплошную пытку.

Валерия действительно быстро адаптируется. К концу недели она уже знает всех по именам, шутит с учителями,

сидит в столовой в окружении поклонников. И постоянно, постоянно рядом с ней Рома.

Он провожает ее после уроков. Объясняет материал, который она пропустила. Смеется над ее шутками. А в пятницу я вижу, как они стоят у окна в коридоре, о чем-то тихо разговаривают, и Валерия касается его руки, что-то объясняя.

Это простое прикосновение – легкое, мимолетное – причиняет мне такую боль, что я едва не задыхаюсь.

– Майя, ты куда? – окликает меня Платон, когда я быстрым шагом направляюсь к выходу.

– Домой, – отвечаю, не останавливаясь.

– Но мы же договорились позаниматься в библиотеке! Олимпиада по литературе на следующей неделе.

Олимпиада. Я совсем забыла.

– Извини, Платон, – говорю, оборачиваясь. – Я плохо себя чувствую. В другой раз, хорошо?

Он кивает, но я вижу в его глазах разочарование. Платон – хороший парень. Умный, добрый, надежный. Он действительно мог бы стать хорошим другом, если бы не его чувства ко мне, которые я не могу разделить.

На улице меня догоняет Сима.

– Майя, стой! Что случилось?

– Ничего не случилось, – отвечаю, но голос предательски дрожит.

– Ага, ничего. И поэтому ты выбежала из школы, как будто за тобой гнались бешеные собаки.

Останавливаюсь посреди тротуара и поворачиваюсь к ней.

– Хочешь знать, что случилось? – в моем голосе звучит отчаяние, которое я больше не могу скрывать. – Случилось то, что ты предсказывала. Рома влюбился в Валерию.

– Майя...

– Нет, не надо меня утешать! – перебиваю. – Я видела, как он на нее смотрит. Видела, как они разговаривают. Он никогда так не смотрел на меня. Никогда! И не надо говорить что я особенная! Я простая!

Слезы, которые я сдерживала всю неделю, наконец проливаются. Стою посреди улицы и плачу, а Сима обнимает меня и гладит по спине.

– Все, – всхлипываю я. – Конец. Я проиграла, даже не начав бороться.

– Не говори так, – тихо говорит Сима. – Рано еще сдаваться.

– Сима, ты сама видишь, что происходит! Он забыл о моем существовании. Мы даже не разговариваем больше, только здороваемся по утрам. А она... она даже пальцем не пошевелила, чтобы его завоевать. Он сам к ней прилип, как... как...

– Как мотылек к лампочке, – заканчивает за меня Сима.

– Именно. И знаешь, что самое обидное? Я потратила столько времени, пытаюсь стать лучше, красивее, женственнее. А оказывается, все дело не в этом. Просто я – это я. А она – это она. И между нами пропасть, которую никаким ма-

кияжем не замажешь.

Мы стоим молча несколько минут. Наконец Сима отстраняется и смотрит мне в глаза.

– Майя, – говорит она серьезно, – я не буду говорить тебе, что все образуется. Может быть, и не образуется. Валерия действительно... впечатляющая девушка.

– Спасибо за честность, – сухо отвечаю.

– Но, – продолжает она, – это не значит, что ты должна сдаваться. Не значит, что ты должна становиться серой мышкой и прятаться в угол.

– А что я должна делать?

– Быть собой. Настоящей собой. Не пытаться стать копией глянцевої картинки. Ты умная, интересная, у тебя прекрасное чувство юмора. У тебя есть свои достоинства, которых нет у Валерии.

– Какие, например? – спрашиваю скептически.

– Ты знаешь Рому лучше всех. Ты понимаешь его без слов. Вы связаны общими воспоминаниями, общей историей. Это дорогого стоит.

– Но этого мало.

– Может быть, мало, – соглашается Сима. – А может быть, достаточно. Никто не знает, что у него в голове. Возможно, вся эта история с Валерией – просто влюбленность в красивую картинку. А может быть...

– Может быть, что?

– Может быть, он просто не понимает, что теряет.

Хочу поверить в ее слова. Хочу поверить, что у меня еще есть шанс. Но когда на следующий понедельник я вижу, как Валерия легко и непринужденно берет Рому под руку, когда они идут по коридору, когда я слышу их смех, — я понимаю, что Сима ошибается.

Рома не теряет меня. Он просто нашел кого-то лучше. И это, пожалуй, самое болезненное осознание в моей жизни.

Глава 5

Майя

Вторник, третья неделя октября.

Сегодня я не встаю рано, чтобы делать укладку. Сегодня я просто встаю, умываюсь, завтракаю и надеваю первые попавшиеся джинсы и свитер. Никакого макияжа. Никаких каблучков. Никаких попыток выглядеть как глянцевая картинка.

Потому что вчера я наконец поняла – все это бесполезно.

Вчера, когда шла домой из школы, я увидела Рому и Валерию. Они стояли у автобусной остановки, и Рома помогал ей нести тяжелую сумку с учебниками. Валерия смеялась над чем-то, что он сказал, и этот смех, такой легкий и мелодичный разнесся по всей улице.

А потом подошел автобус, и Рома поцеловал ее в щеку на прощание. Просто так, мимоходом, но этот поцелуй перевернул весь мой мир.

Я стояла за углом и смотрела на это, как зритель в кино, который не может повлиять на сюжет. И тогда до меня дошло – я проиграла. Окончательно и бесповоротно проиграла битву, о которой противник даже не знал.

Кто любовь эту придумал? Кто решил, что человеческое сердце должно так страдать? Что оно должно разрываться на части от одного взгляда, от одной улыбки, адресованной не тебе?

Любовь – это самая жестокая шутка природы. Она заставляет тебя мечтать о недостижимом, надеяться на невозможное, страдать из-за того, что никогда не принадлежало тебе.

И я не хочу больше в это играть.

В школу иду одна. В семь тридцать утра отправляю Роме сообщение: «Иду пораньше, не жди меня». Он отвечает через пять минут: «Все в порядке? Что-то случилось?» Но я не отвечаю.

В школе сажусь за парту и достаю учебник математики. Открываю на главе про производные и погружаюсь в мир формул и графиков. Здесь все логично. Здесь нет места чувствам, эмоциям, страданиям. Есть только четкие правила, которые работают всегда одинаково.

– Майя, – слышу знакомый голос и поднимаю глаза. Рядом стоит Рома, на лице у него беспокойство. – Ты почему не дождалась меня?

– У меня много дел, – отвечаю, не отрываясь от учебника. – Подготовка к олимпиадам, контрольные. Времени совсем нет.

– Но мы же всегда ходим вместе...

– Раньше ходили, – переворачиваю страницу, делая вид, что полностью поглощена изучением темы. – Но времена меняются.

Рома молчит несколько секунд, потом садится на соседнюю парту.

– Майя, что происходит? Ты вся неделя какая-то... отстра-

ненная.

– Ничего не происходит, – отвечаю механически. – Просто решила сосредоточиться на учебе. Скоро выпускные экзамены, над набрать как можно больше баллов. Пора стать серьезнее.

– А как же... – он запинаясь, – как же наши планы? Мы хотели вместе поступить в один город, помнишь?

Помню. Конечно, помню. Мы планировали это с десятого класса. Поступить в Москву или Питер, снимать квартиру на двоих, поддерживать друг друга в сложные моменты студенческой жизни. Но это было раньше, когда я еще верила в сказки.

– Планы меняются, – говорю, наконец поднимая на него глаза. – У тебя теперь другие приоритеты.

– Какие другие приоритеты?

Серьезно? Он правда не понимает, о чем я говорю?

– Валерия, – произношу это имя как диагноз.

Рома краснеет, и этого достаточно, чтобы подтвердить мои худшие опасения.

– Мы просто... мы подружились. Она новенькая, я помогаю ей освоиться.

– Конечно, – киваю. – Помогаешь освоиться. Очень благородно с твоей стороны.

– Майя...

– Все нормально, Рома. Правда. Я не сержусь. Просто понимаю, что нам пора... взрослеть. У каждого своя жизнь,

свои интересы.

Звенит звонок, и я с облегчением захлопываю учебник. Разговор закончен.

На большой перемене меня находит Сима.

– Что это было? – спрашивает она, присаживаясь рядом.
– Ты с Ромой разговаривала так, словно он тебе чужой, я заглядывала в класс, чтобы увидеть тебя.

– А он и есть чужой, – отвечаю, доставая бутерброд из сумки. – Мы просто долго этого не замечали.

– Майя...

– Сима, я приняла решение. Больше никаких попыток завоевать его внимание. Никаких платьев, каблуков и макияжа. Никаких надежд и иллюзий. Я сосредотачиваюсь на том, что действительно важно – на своем будущем.

– Ты сдаешься?

– Разве не ты мне говорила, что шансов нет? Я становлюсь реалистом, – откусываю кусок бутерброда, хотя есть совершенно не хочется. – Знаешь, в чем была моя главная ошибка? Я думала, что любовь – это что-то прекрасное. Что она делает людей счастливыми, окрыляет их, дает смысл жизни.

– А разве не так?

– Нет, не так. Любовь – это болезнь. Она заставляет тебя делать глупости, терять здравый смысл, страдать из-за того, что тебе не принадлежит. И самое ужасное, что ты даже не можешь ее прогнозировать. Она проходит сама, когда захо-

чет. А потом ты просто мучаешься.

Сима смотрит на меня с таким выражением, словно я про-
изнесла богохульство.

– Майя, ты не можешь так говорить о любви. Это же самое
прекрасное чувство на свете!

– Прекрасное? – смеюсь, но смех получается горьким. –
Сима, ты видела, как я выглядела эти недели? Как я мета-
лась, пытаюсь стать кем-то другим? Как я страдала каждый
раз, видя их вместе? Это прекрасно?

– Но ведь бывает и взаимная...

– Да, бывает. У Ромы и Валерии, например. Они смотрят
друг на друга одинаково. И знаешь что? Я завидую им. Не
Валерии – им обоим. Потому что они не знают, что такое
взаимность.

– Майя...

– Я больше не хочу знать, что это такое. Я хочу жить спо-
койно, рационально, без этих эмоциональных качелей. Хочу
строить планы, не зависящие от того, улыбнется ли мне ка-
кой-то парень или нет.

Сима молчит, и я понимаю, что шокировала ее. Но мне
все равно. Впервые за долгое время мне все равно, что кто-
то обо мне думает.

После уроков, когда все расходится по домам, я остаюсь
в школе. Иду в библиотеку, где за одним из столов сидит
Платон, окруженный кучей учебников и тетрадей.

– Платон, – подхожу к его столу. – Можно присесть?

Он поднимает удивленные глаза и кивает, отодвигая свои вещи.

– Ты готовишься к олимпиаде по математике?

– Да, и к литературной тоже. А ты? Кажется, на прошлой неделе ты не очень хорошо себя чувствовала.

– На прошлой неделе я была дурой, – отвечаю честно. – Тратила время на всякую ерунду вместо того, чтобы заниматься делом. Но теперь я исправилась. Можешь показать мне задачи, которые ты решаешь?

Следующие два часа мы проводим, разбирая сложные уравнения и неравенства. Платон объясняет мне методы решения, которых я не знала, а я делюсь с ним своими работками по литературе. Мы работаем слаженно, и впервые за долгое время я чувствую удовлетворение от проделанной работы.

– Ты очень хорошо разбираешься в математике, – говорит Платон, когда мы собираем вещи. – Намного лучше многих ребят из нашего класса.

– Спасибо, – отвечаю. – А ты отлично знаешь литературу. Я даже не подозревала, что ты так глубоко анализируешь тексты.

– Я много читаю, – смущенно говорит он. – Это помогает лучше понимать людей.

Мы выходим из библиотеки вместе, и я чувствую что-то новое. Не влюбленность, не страсть – просто тепло от обще-

ния с умным, интересным человеком. С тем, кто меня понимает и разделяет мои интересы.

– Хочешь завтра снова позаниматься? – спрашивает Платон, когда мы стоим на автобусной остановке.

– Хочу, – отвечаю без колебаний.

На следующий день я снова прихожу в школу пораньше, снова игнорирую сообщения от Ромы, снова погружаюсь в мир формул и теорем. На уроках отвечаю только когда спрашивают, в остальное время молчу. На переменах не выхожу в коридор – сижу за партой с учебниками.

Рома несколько раз пытается заговорить со мной, но я отвечаю односложно. Не грублю, не демонстрируя обиду, просто держу дистанцию. Как будто мы малознакомые одноклассники, а не лучшие друзья детства.

– Майя, хочешь пойдем в кафе после школы? – спрашивает он в пятницу. – Мы с Валерией собираемся...

– Спасибо, не могу, – перебиваю. – У меня занятия с Платоном. Олимпиады на носу.

– С Платоном? – Рома удивленно поднимает брови. – Вы что, встречаетесь?

– Мы готовимся к олимпиадам. А встречаемся – нет. Я вообще не собираюсь ни с кем встречаться. У меня другие приоритеты сейчас.

И это правда. С каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что отношения – это пустая трата времени и энергии. Лучше направить все силы на то, что действительно важно:

образование, карьеру, личностный рост.

Любовь... Кто вообще это выдумал? Какой садист решил, что людям нужно страдать из-за чьих-то чувств? Что нужно зависеть от чужого настроения, от чужих решений?

Я больше не хочу любить. Не хочу испытывать эту боль, эту зависимость, эту беспомощность. Хочу быть сильной, самодостаточной, независимой.

К концу недели я вырабатываю четкий распорядок дня. Встаю в шесть утра, иду в школу пораньше. На уроках внимательно слушаю, записываю, запоминаю. На переменах повторяю материал. После школы – библиотека с Платоном. Домой к вечеру, ужин, домашние задания, чтение дополнительной литературы, сон.

Никаких эмоций. Никаких переживаний. Только работа, работа, работа.

– Ты стала какой-то роботом, – говорит мне Сима в субботу, когда мы встречаемся в парке. – Где твои чувства, твои эмоции?

– А зачем они мне? – перелистывая страницы учебника по физике. – От них только проблемы.

– Но ты же живой человек! Ты не можешь просто отключить все чувства.

– Могу. И это прекрасно. Знаешь, как спокойно стало жить, когда перестала думать о Роме? Когда перестала следить за каждым его движением, анализировать каждое сло-

во? Я наконец сосредоточилась на себе.

– И счастлива?

Этот вопрос ставит меня в тупик. Счастлива ли я? Нет, наверное, не счастлива. Но и не несчастна. Я просто существую, живу по четкому расписанию, достигаю поставленных целей. И это лучше, чем страдать.

– Счастье – это иллюзия, его не существует. Есть только периоды, когда ты страдаешь меньше обычного.

– Господи, Майя, тебе семнадцать лет! Ты не можешь так цинично смотреть на жизнь.

– Почему не могу? Цинизм – это просто трезвый взгляд на вещи. Без розовых очков и иллюзий.

Сима качает головой и вздыхает.

– А что, если Рома...

– Нет, – резко перебиваю я. – Никаких «что если». Рома сделал свой выбор. Он выбрал Валерию, а не меня. И это нормально. У каждого есть право на выбор.

– Но ты же его любишь...

– Любила, – поправляю. – Прошедшее время. Это закончено.

Хотя, если честно, я не уверена, что это правда. Возможно, я все еще люблю Рому. Но я похоронила эту любовь так глубоко, что она больше не причиняет боли. Она где-то там, в подземных слоях моей души, но я не позволяю ей подняться на поверхность.

И пусть остается там навсегда.

В понедельник на первом уроке учитель математики объявляет результаты пробной олимпиады, которую мы писали на прошлой неделе. Я занимаю первое место. Платон – второе.

– Поздравляю, – говорит он мне после урока. – Ты действительно молодец.

– Спасибо. И тебя тоже поздравляю.

– Хочешь, отпразднуем? Сходим в кино или в кафе?

Смотрю на него и понимаю, что это больше чем предложение дружеского времяпрепровождения. В его глазах читается надежда, которая мне знакома. Та же надежда была в моих глазах, когда я смотрела на Рому.

Но я не хочу давать ему ложных обещаний. Не хочу играть с его чувствами так же, как Рома неосознанно играл с моими.

– Платон, – говорю я мягко. – Ты очень хороший друг, и мне нравится с тобой заниматься. Но если ты рассчитываешь на что-то большее...

– Я понимаю, – быстро говорит он, краснея. – Ты не готова ни к каким отношениям сейчас.

– Не готова и не буду готова. Никогда, – смотрю ему прямо в глаза. – Я решила, что любовь – это не для меня. Слишком много боли, слишком много разочарований. Я хочу просто дружить, учиться, строить карьеру. Без всяких романтических осложнений.

Платон кивает, но я вижу, как гаснет надежда в его глазах. Мне жаль его, но я не могу дать ему то, чего у меня больше

нет.

– Но если ты согласен на дружбу без всяких... дополнительных ожиданий, то мне будет приятно продолжать общение, – добавляю.

– Согласен, – говорит он, хотя голос звучит не очень уверенно.

Мы идем по коридору, и вдруг я слышу знакомый смех. Оборачиваюсь и вижу Рому с Валерией. Они стоят у стены, Валерия что-то рассказывает, размахивая руками. Рома смеется, и в этом смехе столько искренней радости, что мое сердце на мгновение сжимается от боли.

Но я быстро подавляю эту боль. Отворачиваюсь и иду дальше.

Кто любовь эту выдумал? Хотела бы я встретиться с этим человеком и задать ему несколько вопросов. Зачем он создал чувство, которое приносит больше страданий, чем радости? Зачем он придумал влюбленность, которая делает людей слепыми, глупыми, беззащитными?

Но ответов на эти вопросы нет. Есть только одно решение – не позволять любви управлять твоей жизнью.

Глава 6

Валерия

Четверг, конец октября.

Сажу в пустом классе на большой перемене, набираю номер Кристины. Наконец-то выдалась свободная минутка, чтобы поговорить с лучшей подругой из Питера без свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.